

мы охрану той ночью, мы оказались бы в большой опасности, как в том случае, о котором я уже рассказывал.

Ввиду этого нового препятствия король снова созвал всех своих баронов и спросил их совета. Они единодушно согласились, что нет смысла строить новый путь, по которому можно было бы добраться до сарацин, потому что, скорее всего, нам не удастся возвести дамбу с нашего берега, когда враг может свободно действовать с другого.

И тут коннетабль Эмбер де Божо сообщил королю, что к нему пришел бедуин и сказал, что может показать надежный брод, если мы дадим ему пятьсот безантов. Король сказал, что согласен дать ему эту сумму при условии, что тот выполнит свое обещание. Коннетабль переговорил с бедуином, но тот ответил, что не покажет брода, пока не получит денег. Было решено дать ему безанты, что и было незамедлительно сделано.

Было решено, что герцог Бургундский и другие знатные люди из-за моря, которые были в составе армии, должны остаться и охранять лагерь, чтобы тот не понес никакого урона, а сам король и три его брата перейдут брод в том месте, которое им указал бедуин. План вступил в действие, и все было готово к Прошенной пятнице – в этот день мы и добрались до брода, показанного бедуином. При первых признаках рассвета мы собрались сюда со всех концов, и, как только все были готовы, мы вступили в воду, и лошади, пустившись вплавь, несли нас на своих спинах. Добравшись до середины потока, они почувствовали под ногами землю. На дальнем берегу мы увидели, что к нам мчатся добрых три сотни сарацинских всадников.

Я обратился к своим рыцарям и сказал: «А теперь, господа, смотрите только налево и двигайтесь в этом направлении. Берега здесь сырые и вязкие, под весом всадников лошади будут оскальзываться и утопят их». И действительно, кое-кто из наших людей утонул при переправе, среди них Жан д'Орлеан, который нес знамя *vivre*.¹³ Так что мы повернули в ту сторону выше по течению, где нашли сухое место для высадки и с благословения Божьего, не потеряв больше ни одного человека, вышли на берег. Как только мы пересекли поток, на нас налетели сарацины.

Было обговорено, что в авангарде идут храмовники, а за ними во главе второго отряда следует граф д'Артуа. Но так получилось, что едва граф и его люди пересекли поток, как он со своими людьми напал на врагов, которые отпрянули перед ними. Храмовники дали ему знать, что он серьезно оскорбил их, взяв на себя командование в то время, как должен был следовать за ними; они попросили у него дать им возможность выйти вперед, как и планировал король. Но граф не ответил им из-за ошибки со стороны Фуко де Мерля, который держал под уздцы его коня. Это был очень хороший рыцарь, но совершенно глухой. Он не слышал и слова из того, что храмовники говорили его господину, и продолжал кричать: «За ними, друзья, за ними!»

Тут храмовники, решив, что будут опозорены, если дадут графу д'Артуа вырваться вперед, пришпорили своих коней и очертя голову кинулись в погоню за сарацинами, которые спасались бегством – прямо через город Мансура и в долину, что вела к Каиру. Когда наши люди решили вернуться, сарацины Мансуры стали бросать на них большие стволы и балки, когда они двигались по улицам Мансуры, а те были очень узкими. Там и погиб граф д'Артуа вместе с Раулем де Куси и многими другими рыцарями. Число погибших достигало трехсот. Храмовники, как мне потом рассказал их гроссмейстер, потеряли в этой стычке примерно двести восемьдесят тяжеловооруженных всадников.

Глава 7 БИТВА ПРИ МАНСУРЕ

8 февраля 1250 года

Тем временем я и мои рыцари решили атаковать сарацин, которые разгрузили свои вещи в их лагере слева от нас. Когда мы преследовали их, я заметил сарацина, который садился в седло, а другой держал его лошадь под уздцы. В тот момент, когда он схватился обеими руками за седло, чтобы вскочить на коня, я нанес ему удар копьём под мышку, и он рухнул мертвым. Увидев это,

¹³ Знамя с волнистыми линиями.